

© 2006 г.

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

К ИТОГАМ «КРУГЛОГО СТОЛА» ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

*РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук,
профессор, зам. гл. редактора журнала «СОЦИС».*

Даже при первом обращении к предмету исторической социологии проблематичность ее дисциплинарной принадлежности и широкое, граничащее с неопределенностью ее применение бросаются в глаза. Большинство справочников словарей и энциклопедий дают три-четыре варианта сущности исторической социологии. Часть из них лежит вне социологического знания, в сферах социальной или культурной истории, философии истории, социальной философии [См.: 1] и др. Такова реальная практика понимания использования «исторической социологии». Начиная изучение ее проблем, я насчитал свыше десяти вариантов понимания этого термина [См.: “Социолог. исслед.”, 2000 № 6. С. 10-19.]. Данное обстоятельство обнаружилось и в материалах заочного круглого стола в журнале «Социологические исследования» (2005 г. № 1), и во всем содержании аналогичной рубрики журнала за годы ее существования. Конечно, это дает основание ставить вопрос о дисциплинарной принадлежности исторической социологии.

Между тем, есть необходимость в социологическом подходе к истории - как обращению социолога к исследованию исторического прошлого, или как к профессиональному, дисциплинарному применению данных, относящихся к социологической науке. Такой фокус на решение задач именно и только социологической науки дан в определении исторической социологии, опубликованном в: [2, Т. 2, С. 528]. Резкое разграничение с несоциологическими определениями исторической социологии необходимо именно ради обсуждения положения в этом разделе социологического знания в современной отечественной социологии – на фоне развития этой сферы знания в мировой социологии.

Необходимость эта обнаружилось примерно в то же время, когда редакция журнала «Социологические исследования» проводила упомянутый заочный круглый стол. Публикация его материалов совпала с констатацией журналом Международной социологической ассоциации «International sociology» факта *историзации (historization)* социологии [3, p. 296]. Эту оценку дает человек, которого всемирный социологический конгресс выбрал редактором названного журнала, профессор одного из университетов в США, американец иранского происхождения Саид-Амир Аржоманд. Можно было бы считать слово *историзация* еще одной метафорой, которых много в словаре нашей науки. Однако этот термин связан с широко обсуждаемым «историческим поворотом» (то есть, поворотом интереса социологов к истории). Справочная система Google в интернете приводит почти 3 млн. упоминаний этого «поворота». Отмечу, что столь же широко обсуждаются «культурный» и «лингвистический» повороты в социальных науках. В сумме эти «повороты» существенно повлияли на развитие социологии конца XX века.

«Исторический поворот» и *историзация* тесно связаны с траекторией развития исторической социологии и концептуализации ее места в социологическом (и шире – в социальном) знании. Анализ этой траектории,

сравнение с положением у нас в стране за последние десятилетия важны для уяснения путей движения отечественной социологии по этому пути. И материалы нашего заочного круглого стола на фоне поворота интересов западных социологов к истории в этом плане сыграли роль, выходящие за рамки настоящего разговора.

Исходной точкой «историзации» социологии можно считать начало 1960-х годов. В конце 1950-х годов в обзоре современной социологической науки в США была констатирована «смерть» исторической социологии [4, с. 266], - своего рода рубеж, достигнутый исторической социологией в ее виде, сложившемся в XIX–начале XX в. Историческая социология этой поры выступала как философская (социальная философия, философия истории) или историческая (социальная история) наука. В таких дисциплинарных рамках игнорировался факт появления в 1920-1950-е годы собственных, апробированных и изменивших облик социологии методов и методологии работы с эмпирическими данными. Слухи о смерти исторической социологии, по афоризму М. Твена, оказались несколько преувеличенными, хотя и были упомянуты в 1963 г. на совещании в АН СССР по проблемам связи истории и социологии [5, с. 14]. Такой поворот в судьбе исторической социологии выглядит лишь на первый взгляд несколько неожиданным. Но именно так все и происходило - в содержательном плане: завершался отход от практик прошлого, от остатков теоретических и методологических подходов, свойственных истории философии или социальной истории. Повторю еще раз: современная (с 1960-х годов) историческая социология развивалась на собственной методической, методологической, а позднее и теоретической основах.

Одним из объектов развернувшейся в это время критики Т. Парсонса (укажу лишь переведенные на русский язык труды Ч.Р. Миллса и А. Гоулднера) было игнорирование исторической составляющей социетальных процессов: “вся социология достойна называться «исторической

социологией»”, писал в этой связи Миллс [6, с. 168]. Активную роль в возрождении исторической социологии играли социологи марксистских взглядов. Весомой составляющей развернувшегося процесса стал «веберовский ренессанс» в США, в котором ведущую роль играл Р. Бендикс. Через позицию, близкую веберианской, пролег путь многих к исторической социологии: «Исторический поворот был ни чем иным как усвоением Макса Вебера» [3, р. 336]. В разных странах «исторический поворот» происходил по-разному: относительно безболезненно в Германии и во Франции, сложнее в Великобритании и особенно в США. Там серьезным препятствием выступала сила влияния той социологии, которая доминировала к началу 1960-х годов и символами которой довольно долго были Т. Парсонс и Р. Мертон.

После 1960-х годов интерес в мировой социологии к работе с историческими данными нарастал. «Поворот» открыл новые горизонты социологии: 1970-90-е годы зарубежные аналитики (среди них - П. Штомпка, Р. Коллинз, Н. Элиас, и др.) называют «возрождением» интереса социологов к прошлому, «золотым веком» исторической социологии [7] и т.п. В президентском докладе всемирному социологическому конгрессу 1998 г. И. Валлерстайн несколько сдержанно говорит о появлении в 1970-е годы того, «что мы сегодня называем исторической социологией» [8, С. 314]. Но к 2004-2005 гг., видимо, развитие исторической социологии и рост внимания социологов к историческим данным приобрели то качество, которое и дало повод С.-А. Аржоманду говорить об *историзации*. Содержание этого нового качества, по всей вероятности, в том, что кумулятивный эффект освоения социологами данных истории стал очевиден на всех уровнях и во всех отраслях социологического знания. Попутно отмечу, чтобы не быть обвиненным в дисциплинарном эгоизме, что «исторический поворот» (вместе с лингвистическим и культурным), взаимное обогащение истории и социологии затронули весь комплекс

гуманитарных и социальных наук. К тому же, освоение социологией временного измерения социальной жизни совпало с ростом внимания к ее пространственным параметрам. Но это - предмет особого анализа: акцент на этих измерениях и междисциплинарности несколько увел бы в сторону от проблем собственно социологической науки.

Кто же те социологи, трудами которых сделаны «исторический поворот» и «историзация» социологии? Вопрос этот имеет прикладное значение, что отмечалось на круглом столе журнала «Социологические исследования». Профессор Г.Е. Зборовский (С. 65) предложил переводить больше книг по исторической социологии, чтобы стимулировать интерес к ней среди российских социологов. Попытаюсь ответить на него. Массив зарубежных публикаций по данному кругу проблем создан усилиями нескольких групп социологов. Во-первых, есть ученые, создавшие специальные труды по исторической социологии, хотя их научные интересы далеко не ограничивались ее проблемами. Именно они доказали ее плодотворность на материале ряда важных для социологии проблем. Это англичанин Ф. Абрамс, американцы Т. Скокпол, Ч. Тилли, немцы Ф. Крузе, Р. Шюцайхель, австралиец М. Дин, венгр А. Шакольче, датчанин Я. Алстед, венгр А. Шакольче и ряд других социологов (круг их расширяется) [9]. Профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке Т. Скокпол книгой о революциях во Франции, России и Китае, публикациями о роли исторической социологии в социологическом знании [10] популяризировала ее потенциал. Чарльза Тилли, профессора Гарвардского университета (США) считают самым крупным действующим специалистом в этой области [11, р. 42]. Он показал возможности социологических методов (включая математические) изучения прошлого [12, р. 206], архивные находки сочетал с творчеством статистика, дал теоретический анализ обширных математических баз данных. Ему принадлежат труды о становлении государств от X века до «модерна», о капиталистическом

накоплении, о взаимодействии государства с обществом, политическом насилии, революционных социальных движениях, мобилизации, забастовках во Франции 1830-1968 гг. Он дал широкое историческое полотно европейских революций 1492-1991 гг. [Подробнее см.: 13].

Во-вторых, поворот интереса к исторической социологии был следствием не столько названных специалистов, сколько усилий более многочисленной и авторитетной группы ученых, демонстрировавших потенциал исторического материала в исследованиях актуальных проблем человечества. Многих из них перевели на русский язык. К этой группе можно отнести такие имена как П. Андерсон, Р. Арон, Р. Бендикс, М. Блок, Ф. Бродель, М. Гинзберг, Р. Дарендорф, А. Гоулднер, Х. Йоас, М. Крозье, К. Кэлхаун, Г. Ленски, Ч.Р. Миллз, Б. Мур, С. Роккан, Д. Ронг, Н. Смелзер, Э. Томпсон, М. Хехтер, Т. Шибутани, Э. Шилз, Ш. Эйзенштадт и др.

Ограничусь одним примером - книгой (1966 г.) социолога университета в Калифорнии (Санта Барбара) Тамоцу Шибутани (американец японского происхождения) о механизмах появления и функционирования слухов. Эмпирическую (в отличие от теоретической ориентации на психологические и психоаналитические аспекты) основу книги образуют 60 исторических кейс-стадиз (сведены в таблицу [14, р. 215-226]). Последний по времени «кейс» – связан с убийством президента США Дж. Кеннеди в 1963 г. Первый взят из Священного писания. Диапазон их таков: Джек-потрошитель, зверства Кромвеля в Ирландии 1649 г., чума в Центральной Европе 1348-50 гг., взрыв в канадском Галифаксе в 1917 г., нападение японцев на Пирл-Харбор, казнь Емельяна Пугачева, начало войны 1914 г., здоровье президента Рузвельта в 1935 г., шпионские страхи в Канаде в 1940 г., депортация японцев с Тихоокеанского побережья США в 1941-1942 гг. в США, «чудо в Сабана Гранде» (Пуэрто Рико, 1953), Кишиневский погром 1903, Февральская революция 1917 (по Троцкому), движение Мау-мау в Кении 1952-1955 гг. и др. Это был один из трудов, делавших историческую

социологию полноправной и важной компонентой современной социологии в США и мире. Подчеркну также, что поворот интереса социологов к истории вывел из полузабытья известные ныне в нашей стране труды К. Поланьи, Й. Хойзинги, Н. Элиаса.

Но, без сомнения, решающую роль сыграл интерес к истории лидеров современной социологии - М. Арчер, Дж. Александера, У. Бека, И. Валлерстайна, Э. Гидденса, Р. Коллинза, П. Штомпки и др. Труды многих из них доступны российскому читателю, и я лишь покажу их влияние на «историзацию» социологии. Английский профессор Маргарет Арчер, изучая студенческие волнения конца 1960-х гг., в исследовании «Студенты, университет и общество. Опыт компаративного социологического обзора» поставила вопросы макросоциологии: роль традиций, связи прошлого с настоящим, интеграция данных истории в анализ современности, формирование образцов (паттернов) институтов [15, р. 2, 32], синтез исторического и компаративного исследования кросс-культурных различий. В дальнейшем она дополнила пост-парсоновский акцент на структуре и действии важным компонентом – культурой. Для их интеграции Арчер предложила взятый из общей теории социальных систем принцип морфогенеза (генезис форм): «... комплекс взаимообменов, который производит перемену в данной форме, структуре или состоянии (обратное - морофостазис) системы...» [16, р. 274]. Этот вклад в социологическую теорию принес М. Арчер признание и избрание Президентом МСА.

Э. Гидденс (р. 1938) вспоминал в 1999 г. начало своей карьеры: “... В то время ты был или марксистом или сторонником одной из парсоновских версий. Я хотел поставить Маркса в центр по отношению к Дюркгейму и Максус Веберу, объединить их теории социального развития, разработать проблему становления модерна и его трансформации” [17, р. 123]; «становление» и «трансформации» он связал с исторической социологией. Ф. Абрамс поворот в судьбах последней ассоциирует [18, р. 14] с книгой Э.

Гидденса «Центральные проблемы в социальной теории. Действие, структура и противоречие в социальном анализе» (1979), где обоснована теория структуризации. Концепцией «агентства» Гидденс стремился связать действие и структуры, отношения пространства и времени, присущие всем социальным интеракциям [19, p. 55].

П. Бурдьё (1930-2003) начал путь в науке с сопоставления исторических корней процессов и явлений в колониальном Алжире и метрополии - Франции. Среди его методологических находок в рассматриваемой сфере – обсуждение функций метафор в социологии и истории, истории в объективированном и инкорпорированном состояниях. Он привлек внимание социологов к истории как «габитусу», воплощенному в институтах истории, как доксе [20, с. С. 272], - предпонятия, нечто неререфлексируемое в мышлении людей, включая ученых.

Подходы И. Валлерстайна Дж. Ритцер называет [21, с. 65] историческим марксизмом. Ч. Тилли пишет о мощном вкладе Валлерстайна в социологические практики; с ним «время и история вышли на практическую повестку дня исследований как никогда ранее», он "продвинул вперед серьезное историческое исследование в самой социологии" [22, P. 208]. Разработка Валлерстайном проблем «мир-системы» [23], по оценке Р. Коллинза, «... обещает стать самым крупным и всеобъемлющим обзором механизмов, приводящих в движение механизмы человеческих обществ, после сравнительных исследований мировых религий М. Вебера» [24, p. 107-108]. Валлерстайн возродил интерес социологов к масштабным процессам, выдвинул обоснованные аргументы против теорий модернизации: нищета и эксплуатация континентов, бывших колоний со стороны метрополий - такая же часть «модерна» как и «государство благоденствия». Эпоха Просвещения, точка отсчета модернизации, это и грабеж колоний, добыча средств для просвещения и создания «праздного класса» в Европе. Рассмотрение Валлерстайном мира в

единстве (естественное для помнящих лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!») примерно на 20 лет опередило увлечение глобализацией.

Профессор Пенсильванского университета Рэндолл Коллинз (р. 1941), относимый к современным классикам, в книге о развитии социологии выделил «золотой век» исторической макросоциологии [24]. Им написана в жанре исторической социологии книга «Верительные грамоты» - дипломы престижных университетов, открывающие их обладателям «путь наверх», символизируя изощренность методов сохранения привилегий господствующими группами [25]. В 2002 г. на русском языке издана «Социология философии» Р. Коллинза [26] - трактат в две тысячи страниц по социологии науки, о ее развитии, роли в обществе. Здесь исторический материал играет ключевую роль. Каркасом концептуализации стала парадигма «социальных сетей»; пространственно-временные параметры анализа предвосхищают контуры социологии будущего: междисциплинарный компаратив и глобальные рамки.

Джефри Александер (зав. кафедрой социологии, профессор университета в Лос-Анджелесе), разрабатывая теории неофункционализма и «культурной социологии», преодолевал дефекты концепции дифференциации Парсонса последнего периода его работы, не позволявшего воспроизвести национальную и региональную конкретику [27, р. XIV, 8]. Александер стремится «показать связи между дифференциацией и историческими формациями», отстаивает наследие классической социологии, противостоит позициям постмодернистов в социальных науках [28], не считающих, между прочим, целесообразным обращаться к прошлому, представляя одним из своих вдохновителей «погруженного в историю» Мишеля Фуко.

Петр Штомпка создал труд по социологии социальных изменений. Кроме того, проблемы исторической социологии нашли специальное отражение в его учебнике социологии [29].

Среди авторов, *историзировавших* социологию путем «синтеза» истории и социологии, - Зикмунд Бауман, Раймон Будон, Ганс Йоас, Дэвид Лейн (проблемы компаративистики СССР – Запад), Нейл Смелзер, Ален Турен, Мишель Фуко, Майкл Хехтер, Норберт Элиас. «Отметился» в исторической социологии Ульрих Бек. В 1978 г. с М. Братером он выпустил книгу, содержащую «общественно-историческую теорию профессий» [30]. Этот ряд дополняют имена социологов из Скандинавии [31].

Несомненен факт, что на данном отрезке траектории развития социологии в ней под воздействием исторической социологии произошел комплекс содержательных перемен. Обозначу лишь некоторые из них, поскольку эта проблема истории современной социологической мысли нуждается, по-видимому, в специальном изучении.

Осмысление соотношения исторического и социологического знания по-новому позволило поставить вопрос о месте исторической социологии в социологическом знании. И уточнение места и роли исторической социологии в социологическом знании произошло. В свете этих уточнений спорным выглядит оценка исторической социологии как специальной социологической дисциплины, самостоятельной науки или части социологии [См.: 32]. В отличие, например, от экономической или политической социологии, она входит как специфическая составляющая, составная часть в названные и многие другие (возможно, что даже во все) специальные социологические дисциплины. Структура самой исторической социологии практически аналогична структуре социологического знания, вне зависимости от способа его структурирования. В оценках зарубежных социологов идет о *конститутивной* (Т. Адорно), изначальной или фундаментальной роли знания о прошлом в знании социологическом [33]. Кто-то заметил, что историческая социология - не особая часть социологии, а сама социология. Такая характеристика исторической социологии связана с тем, что объекты социологических исследований имеют временнóе

измерение, являются продуктами процессов, разворачивающихся во времени. История – источник и среда существования многих наук об обществе и человеке. Важнейшую роль историческое измерение тем более играет там, где исследователь выходит за пределы моментального «фотоснимка» ситуации или проблемы.

Конечно, численно преобладают в зарубежной библиографии по исторической социологии труды из области специальных социологических дисциплин: семьи и образования, гендера и государства, революции и моды, профессий и повседневности и многих других. Характерно, как пример, обращение в последние годы к исторической социологии специалистов по социологии международных отношений, которые стали испытывать определенные трудности в развитии своей науки. Но не менее впечатляют ее успехи в других разделах социологического знания.

В части методики историческая социология способствовала восстановлению в правах таких, казалось, устарелых методов социологических исследований как кейс-стади и нарратив (См., напр.: Социол. исслед. 2004, № 9, С. 15-19; 2005, № 4, С. 110-120); второе дыхание обрел старинный компаратив. А методологически привлечение материала истории обогатило представления о потенциале не только сравнения, но и обобщения, поиска универсалий, с одной стороны, и индивидуализации, вариаций, - с другой. Проблематика причинности (каузации) также непременно строится с использованием исторического материала, а идея «социологии процессов» (Н. Элиас) стимулировала обращение социологов к понятиям *эмерджентность* (возникновение, появление), *становление* (becoming) и т.д.

Потенциал исторической социологии отразился в роли, которую она играла в преодолении дефектов ряда мета-концепций. Под огонь исторической социологии попадали - помимо парсоновского варианта теории модернизации, - «открытое общество» К. Поппера, концепции

«модерна» и «постмодерна», построения, на которые опирались международные организации, действуя в зоне «посткоммунистических трансформаций» (См., напр.: Социол. исслед. 2002. № 10. С. 67-82). Заметным оказался ее вклад в преодоление фрагментации поля социологического знания, вызванной постмодернистскими выпадами и «культурными исследованиями». Обращения социологов к историческим данным позволили заметно повысить «предсказательную» силу (например, прогноз Рэндаллом Коллинзом кризиса советской системы) и общественно преобразующую роль социологической науки. Последнее ярко выразилось в трудах и общественной деятельности Мишеля Фуко и Пьера Бурдьё. Нельзя обойти факт, что такие «исторически чувствительные» социологи как И. Валлерстайн [34] и Э. Гидденс активно продвигают идеи основательной перекройки границ между отраслями научного знания (включая линию раздела между науками естественными и гуманитарно/общественными). В тезисах о будущем социологии Гидденс, например, призывал устранить дисциплинарные границы между историей и социологией [35. с. 67-72].

Особый интерес представляют характер и последствия влияния *историзации* в сфере теоретического социологического знания (социологического теоретизирования). Историческая составляющая стала в последние десятилетия фундаментом формирования «больших» теоретических парадигм в социологии. Не в последнюю очередь благодаря активной демонстрации важности обращения к истории марксистская (и пост-марксистская) социология перестала считаться чем-то маргинальным. Данные истории позволили решить ряд проблем соединения микро и макро уровней теоретизирования, действия и структуры, институтов и индивидов (или агентов - в смысле Э. Гидденса), а также настоящего с прошлым, чтобы сделать отчетливее контуры будущего. Подчеркну при этом, что наличие большого объема эмпирических социологических исследований прошлого и в признании исторической социологии сыграло первостепенную роль.

Особо выделяю роль исторической социологии в исследовании самой социологии, точнее – ее истории (факт, еще не нашедший отражения в преподавании истории социологии – зарубежной и отечественной – студентам и аспирантам социологических факультетов Российской Федерации). Историю социологии как дисциплины П. Штомпка считает огромным резервуаром теоретических идей (Социол. исслед. 2005, № 10. С. 65). Одним из первых в свое время на этот путь стал Т. Парсонс, посвятивший значительную часть «Теории социального действия» (1937) интерпретации работ М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето и других предшественников. По этому пути шли Дж. Александер, С.А. Аржоманд, Г. Йоас, Р. Коллинз, Р. Мертон, Д. Смит, П. Штомпка, Х. Эссер и др., разработку оригинальных социологических теорий сопровождая анализом опыта социологов-теоретиков. Дж. Александер свое слово в теоретической социологии («Смысл социальной жизни. Культурная социология», 2003 г.) начинал, по меньшей мере, с анализа социологии второй половины XX века и выпуска в 1990-х годы хрестоматий (каждая по четыре тома): «Теоретическая традиция американской социологии» и «Теоретическая традиция европейской социологии» [36]. Х. Эссер (ФРГ) в русле этого подхода предложил теорию, претендующую на преодоление уже привычной мультипарадигмальности современной социологии (См.: Социол. исслед. 2005, №12, с. 23-31), проигнорировав, правда, социологов постмарксистской Франкфуртской школы. Усилиями в этом направлении фактически создан жанр исторической социологии самой социологии. Накопленный материал поколениями социологов играет роль фундамента новаторских концепций.

Последствия поворота интереса социологов к прошлому дополню двумя штрихами. 1. Это выход за пределы европоцентричного (в культурном смысле) ареала социологической науки, изменение географии исследований социологов, о чем говорит появление в кругу современных авторов книг по исторической социологии таких не европейских имен:

Анвар Абдельмалек, Джанет Лейла Абу-Лугод, Рашид Аминзаде, Саид-Амир Аржоманд, Амарития Сен, Махбуб Уль Хак и др. 2. Это обстоятельство, в свою очередь, показало неправомерность тенденции сведения сущности и функций социологии к проблемам модернизации, модерна.

Институционально признание исторической социологии выражено в создании специальных журналов, монографий и хрестоматий для студентов и аспирантов. Читаются спецкурсы в университетах (интернет изобилует программами по этой дисциплине), действуют секции национальных и международных сообществ социологов и др. Об интересе к исторической социологии говорит и такой факт. Интернет-сервис Google приводил в ноябре 2005 г. около 15 миллионов ссылок на «историческую социологию» – кстати: на два миллиона больше, чем «современную социологию».

Что касается отечественной исторической социологии, происходящее в ней стало возможным проследить путем анализа – помимо публикаций в отечественных печатных изданиях – по: 1. Практике наполнения материалами рубрики «Историческая социология» в журнале РАН «Социологические исследования» за время ее существования (с 1998 года) и сопутствующей работе с авторами, пишущими по данной проблематике; 2. Организации и проведению в названном журнале при поддержке РГНФ заочного круглого стола по проблемам исторической социологии [37]. Отмечу, что участники этого мероприятия Я. Алстед (Дания), М.Я. Бобров (Барнаул), И.Ф. Девятко (Москва, ИС РАН), Г.Е. Зборовский (Екатеринбург), Б.Н. Миронов (С.-Петербург), А.Ю. Рожков (Краснодар), Н.В. Романовский (журнал «Социологические исследования»), - удачно воспроизводят типологию авторов, пишущих по проблемам исторической социологии. Практика работы в жанре исторической социологии испытывает на себе заметные влияния а) наук философских - социальная философия или б) исторических – социальная история (есть доля истины и в

том, что исторической социологией – по внутродисциплинарным причинам - больше интересуются историки, чем социологи). И в названном круглом столе, и в содержательном наполнении статей в рубрике «Историческая социология» журнала «Социологические исследования» часть авторов опубликованных материалов связывали интерпретацию предмета исторической социологии с поиском законов, ритмов истории или с историей социальных процессов и явлений.

Что касается выводов из сопоставления траектории развития западной социологии с нынешним состоянием исторической социологии в России, однозначно можно сказать следующее. Во-первых, это состояние представляется вполне естественным для относительно недавно «возобновленной» дисциплины. Во-вторых, внутренние, пусть не очень выраженные процессы развития исторической социологии аналогичны общемировым. Изученный массив отечественных публикаций по исторической социологии показал, что внимание социологов к факторам истории проходит те же стадии, что и в социологии зарубежной. На пути к масштабному использованию исторической социологии отечественная социология находится на этапе, близком к тому, в котором находилась социология за рубежом перед «историческим поворотом» 1970-х годов. С этой стороны ее характеризует тот факт, что она не вполне выделилась в самостоятельную отрасль. В массе социологов нет достаточно четких представлений о ее сущности и потенциале. Нет и выраженной потребности в обращении к данным истории. И это понятно, поскольку наш нынешний этап развития социологии решает более приоритетную задачу накопления эмпирической социологической информации, насыщения своих дисциплинарных «баз данных» современным, актуальным материалом, его концептуализацией, теоретическим осмысливанием, что и создает потребность во взгляде назад, в прошлое, в поиске корней, в сравнениях

прошлого и текущего. Этим предопределено и использование других возможностей исторической социологии.

Сложившееся к настоящему времени состояние дел «естественно» и с учетом влияния в социологической науке – идейного и персонального – наследия ее пребывания в рамках советской философии, крайне болезненно относившейся ко всяким подвижкам в истории. К тому же, как жанр, историческая социология не менее трудоемка, чем скажем, масштабное полевое исследование - трудоемка – объемы обрабатываемой только архивной документации могут достигать сотен тысяч страниц. 360 тысяч страниц, например, составляют материалы, отразившие слежку за иностранцами ФБР США в годы первой мировой войны [38]. Весьма значимой предпосылкой для таких усилий является пока остающаяся проблемой доступность архивных фондов. Их освоение в публикациях историков-профессионалов в российских условиях лишь началось.

Несомненно также, что в нынешнем состоянии российской социологической науки есть ряд принципиальных предпосылок для «исторического поворота». Остановлюсь на аргументах и фактах в пользу такой оценки. Из опубликованных ведущими отечественными социологами (Т.И. Заславская, Н.И. Лапин, Н.Е. Тихонова, Ж.Т. Тощенко, Р.В. Рывкина, работ сотрудников Левада-Центра, Л.А. Гордона и Э.В. Клопова и др.) трудов современной (с начала 1990-х годов) России становится ясным, что исследования эмпирических реалий раз за разом наталкиваются на «традиции», «специфику», «наследие прошлого» и т.п. проявления, понять и объяснить которые можно только с опорой на данные истории. Признания необходимости специального рассмотрения этого круга проблем на фоне недостаточного знания отечественной истории звучат постоянно. Дальнейшие шаги, очевидно, будут связаны с социологической интерпретацией многих явлений прошлого и интеграции полученных данных в социологические концепции (в рамках исторической социологии).

Отечественные социологи демонстрируют определенную заинтересованность в проблемах исторической социологии (понимаемой в жестко дисциплинарном смысле). За последние годы в России защищены одна докторская (А.И. Черных) и ряд кандидатских диссертаций по этой проблематике. Библиография публикаций на русском языке по ней достигает, по моим подсчетам, нескольких сотен. Началась институционализация данной дисциплины в форме спецкурсов, читаемых в ряде университетов (в одном из вузов Петербурга издано учебное пособие, правда, весьма спорное). Российская социология представлена в редколлегии международного «Journal of Historical Sociology» (Oxford) такими именами как Т.И. Заславская, А.Я. Гуревич, В.П. Данилов. Через соответствующую рубрику журнала «Социологические исследования» с 1998 г. поддерживается то, что называют *дискурсом* исторической социологии. Активно развиваются ряд смежных с исторической социологией сфер социологического знания – изучение социального времени [39], исторического сознания [40], исторической (социальной, по формуле Р.В. Рывкиной) памяти, исторического самосознания [41], биографический и поколенческий подходы. Российские социологи в пользование получили переводы ряда важных для исторической социологии трудов М. Фуко (кстати, с примечательным послесловием «Историческая социология Мишеля Фуко» А.М. Руткевича [42]), П. Бурдьё, И. Валлерстайна, Р. Коллинза, Н. Элиаса и др. В трудах отечественных социологов по методологии социологических исследований сформулированы посылки, которые на дальнейших этапах развития практической работы неизбежно приведут к возникновению потребности в более фундаментальном изучении временной составляющей социальных процессов и явлений. А это и есть историческая социология. Серьезный интерес к взаимодействию с социологией демонстрируют историки, специализирующиеся в области социальной истории; их усилия в этом

направлении нашли отражение в рубрике «Историческая социология» журнала «Социологические исследования», в ряде монографий и научных изданий.

Социологи и истории в России идут навстречу друг другу осознано: это требование современного профессионализма в науках об обществе. Что касается социологии, для нее важность освоения прошлого бесспорна. Нужно продолжать и наращивать усилия профессионалов-социологов специально в этом направлении. Путь этот долг, но движение по нему определяет состояние научного знания о тенденциях общественного развития. Российская социология была парализована практически в то же время, что и социология в Германии. Последней понадобилось – после Второй мировой войны – примерно 40 лет, чтобы вернуть себе утраченные в годы гитлеризма лидирующие позиции в мировой теоретической социологии. Эти временные рамки позволяют представить сроки восстановления того уровня – не уступавшего, например, Польше, - социологии, который в начале XX века был в России. Но всякие сроки можно сокращать за счет целенаправленных, осознанных действий сообщества социологов, отдельных ученых и коллективов. Важно представлять себе путь, которым предстоит идти. Историческая социология в этом движении призвана занять одно из центральных мест.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Джерри Д., Джерри Дж.* Большой толковый социологический словарь Collins. Т.1. М. 2001, с. 266; *Кравченко С.А.* Социологический энциклопедический русско-английский словарь М. 2004. с. 399-400; *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь. М. 2004, с. 175; *Кудинов В.В.* Историческая социология // Энциклопедический социологический словарь. М. 1995 (и др. переиздания этого словаря), с. 716-718.
2. Социологическая энциклопедия. В 2-х тт. М. 2003.
3. *S. A. Arjomand.* Theory and the Changing World. Mass Democracy, Development, Modernization and Globalization // *International Sociology.* 2004, № 3, pp. 299-353.
4. *Barnes H.E.* Historical sociology // *Contemporary sociology.* Ed by *J. Roucek.* L. 1958, p. 266.
5. История и социология. М., 1964, С. 14.
6. *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение. М. 1998.
7. *Collins R.* Three Sociological Traditions. NY. 1985, P.107; *Sztompka P.* The Renaissance of Historical Orientation in Sociology // *International Sociology,* 1986, vol. 1, No. 3, Pp. 321-337; *Smith D.* The Rise of Historical Sociology. Cambridge, 1991; и др.
8. *Валлерстайн И.* Обращение президента Международной социологической ассоциации к участникам 14-го Всемирного социологического конгресса, Монреаль. 26 июля 1998 года // *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. М. 2003.
9. *Kruse V.* Analysen zur deutschen historischen Soziologie. Münster 1998; *Comparative Historical Analysis in the Social Sciences.* Eds. *J. Mahoney, D. Rueshmeier.* Cambridge - NY. 2003; *Handbook of Historical Sociology.* *Delanty G., Isin F.* (eds). L. 2004; *Schützeichel R.* Historische

- Soziologie. Bielefeld. 2004; *Dean Mitchell*. Critical and Effective Histories: Foucault's Methods and Historical Sociology. L.-NY. 1994; etc.
10. *Skocpol T.* States and Social revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge. 1979; *Skocpol T.* Social Revolution in the Modern World. Cambridge. 1994; *Skocpol T.* Social History and Historical Sociology: Contrasts and Complementarities // *Social Science History*, 1987. № 11; *Skocpol T.* Sociology's Historical Imagination / Vision and Method in HS / *T. Skocpol* ed. Cambridge. 1984; etc.
 11. *Alsted J.* De menneskelige samfunds udvikling – en kritisk introduction til historisk sociologi. Roskilde, 2001.
 12. *Tilly C.* As Sociology Meets History: Studies in Social Discontinuity. NY. 1981; *Tilly C.* Sociology, Meet History / The Classical Tradition in Sociology: The American Tradition. Ed. by *Alexander J. et al.* L. etc. 1997. Vol. 4; etc.
 13. *Мионов Б.Н.* Социология и историческая социология: взгляд историка // *Социол. исслед.* 2004, № 10, 58-59; а также *Черных А.И.* Историческая социология на Западе (конец XX в.) // *Социол. исслед.* 2002, № 2.
 14. *Shibutani T.* Improvised News. A Sociological Study of Rumor. Indianapolis – NY. 1966.
 15. *Students, University and Society. A Comparative Sociological Review.* Ed. by *M.S. Archer*. L. 1972.
 16. *Archer M.* Culture and Agency. The Place of Culture in Social Theory. Cambridge. 1988.
 17. *Portrait: Anthony Giddens* // *International Sociology*, 1999, v. 13, No.1.
 18. *P. Abrams.* History, Sociology, Historical Sociology // *Past and Present.* No. 87. May 1980, p. 3-16.
-

19. *Giddens A.* Central Problems in Social Theory, Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. L.-Basingstoke, 1979.
 20. *Бурдье П.* Мертвый хватает живого. Об отношениях между историей овеществленной и историей инкорпорированной / *Бурдье П.* Социология политики. М. 1993.
 21. *Рутцер Дж.* Современные социологические теории. М. и др. 2002.
 22. *Tilly Ch.* Sociology, Meet History / The Classical Tradition in Sociology: The American Tradition. Ed. by *Alexander J. et al.* L. etc. 1997. Vol. 4.
 23. *Wallerstein I.* The Modern World System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century (Vol. 1). NY, 1974.
 24. *Collins R.* Three Sociological Traditions. NY. 1985.
 25. *Collins R.* The Credential Society. An Historical Sociology of Education and Stratification. NY etc. 1979.
 26. *Collins R.* The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge Mass-L. 1998.
 27. *Alexander J.* Introduction. Differentiation Theory: Problems and Prospects, pp.1-16 // Differentiation Theory and Social Change. Comparative and Historical Perspectives. Eds *J. Alexander, P. Colomy.* NY-Oxford. 1990.
 28. *Александр Дж.* Общая теория в состоянии постпозитивизма: «эпистемологическая дилемма» и поиск присутствующего разума // Социология: методология, методы, математические модели. 2004, № 18, 19.
 29. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996 (*Sztompka P.* The Sociology of Social Change. Oxford, 1993); *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М. 2005. Ч. VI. «Социальные изменения».
-

30. *Beck U., Brater M. Berufliche Arbeitsteilung und soziale Ungleichheit. Eine gesellschaftlich-historische Theorie der Berufe. Frankfurt-NY. 1978.*
31. К. Кнудсен, Ф. Миккельсен, Н. Мужелис, У. Рансимен, Х. Спрют, сам Я. Алстед, и др.
32. *Педан С.А., Павенков В.Г. Историческая социология. Учебник. СПб, 2001. С. 23, 27, 286.*
33. *Adorno T. Adorno T. Vorlesung zur Einleitung in die Soziologie. Frankfurt. 1973. S. 150.*
34. *Wallerstein I. From Sociology to Historical Social Science: Prospects and Obstacles // British Journal of Sociology. 20-00. V/ 51. No. 1. Pp. 25-35.*
35. *Гидденс А. Э. Девять тезисов о будущем социологии. Лекция в апреле 1986 г. // Thesis. 1993. No.1.*
36. *The Classical Tradition in Sociology: The American Tradition. Ed. by Alexander J. et al. Vols 1-4. L. etc. 1997; The Classical Tradition in Sociology: The European Tradition. Ed. by Alexander J., Boudon R. et al. Vols 1-4. L. etc. 1997.*
37. Историческая социология: опыт и перспективы (заочный круглый стол) // Социол. исслед. 2005, № 1, с. 52-53.
38. Это данные из интернет-публикации, на которую в своей статье ссылаются коллеги О.С. Грязнова и Д.Г. Подвойский, - <http://www.cas.sc.edu/socy/faculty/deflem/zhistory.htm> (с.6).
39. *Нестик Т.А. Социальное конструирование времени // Социол. исслед. 2003, № 8; Сорокин П. А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Там же. 2004, № 6; и др.*
40. *Тоценко Ж.Т. Парадоксальный человек. М. 2001 (Часть III. Глава 3. Историческое сознание и историческая память: состояние и*

парадоксы); *Рывкина Р.В.* Драма перемен. Экономическая социология переходной России. М. 2001 (Глава III).

41. *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Фундаментальная социология. Т. VII. М., 2005, с. 627-633.

42. *Руткевич А.М.* Историческая социология Норберта Элиаса в: *Элиас Н.* О процессе цивилизации. М. 2001, т.2, с. 347-374.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 00- 03 –057а